

А.В.Смирнов

Обманчивая похожесть заимствований: история идей и смысловая логика

**Statement для Российской научной конференции
«История философии: вызовы XXI века».
Москва, Институт философии РАН, 15-16 ноября 2012 г.**

Одна из задач историка философии заключается в том, чтобы определить влияния на изучаемого философа. Например, если я занимаюсь текстами Ибн Араби, я должен максимально полно установить, с какими именно из предшествующих течений и школ арабской философии перекликаются его взгляды. Это «перекликаются» будет конкретизировано как 1) намеренное заимствование, адекватное или не вполне адекватное; 2) результат влияния, возможно, неосознанного или не до конца осознанного; 3) спор и сознательное противопоставление собственной позиции взглядам других философов, т.д. Такие «переклички» будут установлены на основе анализа отдельных терминов; терминологических семейств; развернутых рассуждений. Чем больше отрезок текста изучаемого мыслителя, который может быть сопоставлен с текстами предшественников, тем надежнее сравнение и весомее его результаты.

Далее, аналогичную работу в рассматриваемом случае следует проделать в отношении не только арабской, но и античной философии, тексты и учения которой были известны в арабо-мусульманском мире и оказали на него влияние, большее или меньшее для разных философских направлений.

Чем ближе друг к другу сравниваемые термины, семейства терминов или тексты, чем они более похожи, тем с большей уверенностью, как правило, говорят о вероятном или точно установленном влиянии либо заимствовании. Такая техника исследования выглядит бесспорной и применяется едва ли не повсеместно историками арабской философии. Бывает и так, что подобное исследование, проводимое в жанре, близком к истории идей, составляет почти исключительно содержание историко-философской работы. Установить источники значит объяснить взгляды мыслителя, — такой подход ясно прочитывается в подобных случаях.

Если одна традиция восприняла и заимствовала тексты другой, как это верно для арабской и античной традиций философствования, то схожесть текстов опознается историками философии как указание на влияние; если же тексты расцениваются как по существу идентичные, выражающие одну и ту же мысль, то такое влияние, доходящее до прямого заимствования, считается бесспорным, а объяснение на этом и заканчивается: историк философии считает свою работу выполненной.

Вот два примера, где текст Ибн Араби сопоставляется с текстами античных философов, идеи которых были очень хорошо известны в арабском мире.

I.1

Миропорядок распадается на воздействующее (*му'ассир*) и подвергающееся воздействию (*му'ассар фи-хи*), а это — два выражения (*'ибаратан*). «Воздействующий» в любом смысле, во всяком состоянии и в каждом присутствии (*хадра*) — Бог;

«подвергающийся воздействию» в любом смысле, во всяком состоянии и в каждом присутствии (*хадра*) — мир.

Ибн Араби. Фусус ал-хикам. Гемма 22, стр. 183 изд. Афифи, Бейрут 1980

I.2

По их мнению, есть два начала мироздания — действующее и испытывающее воздействие. То, которое испытывает воздействие, — это бескачественная сущность, или вещество. А действующее — это присутствующий в ней логос, или бог; он вечен и творит все, что в ней существует. Это учение Зенон Китийский излагает в книге “О сущности”

Фрагменты ранних стоиков. М., 1998, Т. I, с.43

II.1

Миропорядок в самом себе — как [центральная] точка относительно окружности и то, что между ними. Эта точка — Истинный, пустота вне окружности — несуществование (или скажи: тьма), а то, что между этой точкой и пустотой вне окружности — возможное, как мы то нарисовали на полях. Мы взяли точку потому, что она — основа (*'асл*) существования окружности круга: он появился благодаря точке. Так же и возможное появилось только благодаря Истинному и окружности круга. Если предположить, что из [центральной] Точки к окружности круга проведены линии, то они закончатся [каждая] в [некоторой] точке. И вся окружность таким же образом — из [центральной] Точки.

Ибн Араби. Футухат. Бейрут: Дар Садир, б.г. Т.3, стр. 275

II.2

Оно [бестелесное] как бы парит надо всем, но не потому, что хочет воплотиться в нем, а потому что все остальное не может и не хочет быть без него. Оно всегда тождественно себе и является общим для всего последующего, как центр в круге, от которого зависят все идущие к окружности радиусы, которые тем не менее позволяют центру пребывать в самом себе, хотя и рождаются в нем и получают от него свое бытие. Таким образом, радиусы, с одной стороны, причастны точке и имеют своим началом нечто неделимое, а с другой, исходят из нее, сохраняя связь с ней.

Плотин. Эннеады IV, 2, 1, 18–28 (перевод С.В.Месяц)

Эти пары текстов, конечно, не идентичны, и у Ибн Араби мы не находим прямой ссылки на стоиков или Плотина. Однако мысль, выраженная в них, не столь, кажется, сложна, чтобы историк философии не мог сказать: тут сказано *по существу* одно и то же, и, имея в виду распространенность стоических и

неоплатонических идей в арабо-мусульманском мире, трудно сомневаться в том, что мы в данном случае имеем дело с осознанным заимствованием или (по меньшей мере) неосознаваемым влиянием.

Такой вывод, сделанный в русле методологии истории идей и обладающий внешней убедительностью, оказывается в нашем случае *абсолютно* неверным. Точки несовпадения предполагаемых реципиента и источника, отправляясь от которых, можно продемонстрировать *несовпадение по существу*, более того, *контраст*, представлены для первой пары взаимным влиянием Бога и мира, «оборачиваемостью» этой пары (Ибн Араби), в отличие от однонаправленного воздействия Бога на мир (Зенон); совпадением онтологического статуса центра и окружности и отличным онтологическим статусом пространства между ними (Ибн Араби), в отличие от убывания по мере удаления от центра интенсивности сохраняемого для всей площади круга онтологического статуса (Плотин).

Эти точки несовпадения не случайны, они на поверхности обнаруживают стоящее за ними различие смысловых логик. Как это показать — вопрос не двух страниц, а хотя бы двадцати. А может быть, и двухсот, если говорить не о чистой логике, а привлечь в качестве иллюстраций подходы отечественных и зарубежных историков философии к обсуждению именно этих текстов.

То, что выглядит успокаивающе одинаковым с точки зрения истории идей, оказывается выстроенным в разных смысловых логиках и потому внутренне существенно различным. Вторая позиция менее комфортна, она требует большего внимания и больших усилий. Вознаграждение за это — возможность целостной интерпретации взглядов исследуемого мыслителя (в данном случае Ибн Араби) вместо выборочной, мозаичной редукции к предшественникам.